

Соколов Николай

ХМАРЬ СОЛДАТ УДАЧИ

Хмарь

Николай Соколов

Хмарь. Солдат удачи

«Автор»

2019

Соколов Н. А.

Хмарь. Солдат удачи / Н. А. Соколов — «Автор»,
2019 — (Хмарь)

Пелена темных туч закрыла будущее Земли, России и главного героя. Всему виной космические цивилизации, пришедшие на Землю со своими планами. Герою суждено стать наемником в частной военной компании далеко от своей планеты, пройти испытания на прочность в штрафной роте, внести посильную лепту в независимость родины. Особые слова признательности и благодарности хочется выразить Жданову Кириллу, и Елене Николаевне моей жене. За помощь в редактуре и корректуре.

© Соколов Н. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Проверка на прочность	7
Глава 2. Штрафники.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Соколов

Хмарь. Солдат удачи

Пролог.

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые.

Ф. И. Тютчев

Очнувшись, я с трудом открыл один глаз. Второй не слушался, будто залит свинцом. Вокруг стояла непроницаемая темнота, густая и осязаемая. Меня тошнило. Острая, рвущая боль пульсировала в висках, отдаваясь эхом в каждой клетке тела. По лицу текла густая, тёплая кровь — её медленное, липкое движение вызывало немой, спазм животного страха.

Я машинально попытался ощупать голову. Цела ли она? Помешал шлем. Проведя перчаткой по его поверхности, я нащупал глубокую, зловещую вмятину с левой стороны. «Лишь бы моё серое вещество не вытекло», — пронеслось в сознании странной, почти ироничной мыслью (В некоторых случаях травмы головы могут провоцировать бредовое состояние).

Попытался пошевелиться — и сразу пожалел. Боль, до этого глухая и разлитая, взорвалась внутри меня острыми, белыми осколками. Когда терпеть стало невозможно, я зашептал, сам не ожидая этого:

— Мама... Мама, мне плохо. Мама, помоги мне...

Автоматическая аптечка скафандра, наконец, среагировала на запредельный уровень адреналина и кортизола в крови. Послышался тихий шип, и в шею впиалась прохладная игла. В жилы хлынул мощный, обезболивающий коктейль. Сознание поплыло. Оно мягко оторвалось от истерзанного тела и поплыло в сторону тихого, светлого забвения в мир грёз.

Там я летал среди облаков и выше, любясь белоснежными, искрящимися пуховыми перинами, взбитыми, будто добросовестной хозяйкой. Да так, что вокруг разлетелись пух и перья.

А потом начался настоящий звёздопад из цветных искр, и душу переполнили радость и восторг. В центре этого праздника вокруг меня закружился красный огонёк. Я поиграл с ним в догонялки, а он, сменив цвет на небесно-голубой, помчался вдаль, словно призывая за собой.

Я последовал за ним, продираясь через видения, как за путеводной звездой, пока впереди не возникла дверь, скрытая пеленой тумана. Переступив порог, я снова ощутил тяжесть реальности.

Прислушавшись к ощущениям, понял, что меня бережно, но неумолимо волокли по шероховатому полу тоннеля. С трудом разлепив единственный послушный глаз, я попытался повернуть голову. Всё расплывалось. Пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть неяркий луч фонаря. Он пробивался сквозь пыльную взвесь, желтым пятном скользя по стене, выхватывая из мрака покрытые сероватыми потёками стены и потолок.

Химический коктейль в крови бушевал, смешивая прошлое и настоящее, память и галлюцинации. Кто я? Где я? Прошлое вспыхнуло перед внутренним взором калейдоскопом картинок.

Вот я радуюсь людям, прилетевшим с других планет. Не зелёным гуманоидам — а землянам, похищенным когда-то и вернувшимся. Радость и надежда охватили весь мир. Все ждали чуда, технологий, входа в галактическое сообщество. Вот я восторгаюсь полёту на парашютном крыле. Вот мы всей семьёй плывём на лодке, сопротивляясь течению быстрой реки, холодной реки.

Но халявы не случилось.

Да, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Лишь России сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Наши огромные территории и низкая плотность населения им понравились. Они арендовали земли на девяносто девять лет. Взамен мы получили технологии по увеличению качества медицинского обслуживания. «Ничего личного, только бизнес», — говорили мафиози Америки.

А ещё случилась маленькая двухнедельная война — для устрашения. Удары по всем крупным городам. ПВО Москвы отразило лишь 82% ракет. Среди жертв были и мои родственники. Их нашли в полуразрушенной квартире. Брат, его жена, дочь... Нужно было спасти им жизнь с помощью новой, инопланетной медицины. А она стоила баснословно.

Проанализировав все варианты, я выбрал контракт с частной военной компанией. По контракту родственники наёмников могли получить медпомощь со скидкой или в кредит. Но сумма страховки моей жизни его не покрывала. Тогда в тот же отряд, скрыв возраст, записался отец. Вдвоём мы перекрыли кредит, страховками поставив подпись под строкой о «высокой вероятности гибели».

Но для тех, у кого не оставалось другого выбора лазейки всё-таки были... Однако мой план столкнулся с российским законом, запрещающим гражданам моложе сорока лет покидать Землю.

Глава 1. Проверка на прочность

Прощай, отчий край,
Ты нас вспомянай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад
«Прощание Славянки»

Автор текста (слов): Лазарев В.

Полтора года назад по земному времени. Земля, Москва, Главное управление Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации.

Кабинет начальника управления 13-Х (внеземные операции).

За небольшим столиком из темного дерева в уютном уголке, замаскированном под зону для частных бесед, расположились двое тридцатилетних мужчин. Один был худощав и жилист. Другой – Валентин – его полная противоположность: квадратный крепыш, чья мощь читалась в каждом движении.

На столике стояла литровая бутылка коньяка двенадцатилетней выдержки. Ее янтарная жидкость была разлита в тюльпанообразные бокалы на толстой ножке. Худощавый Владимир вращал свой бокал, наблюдая, как по внутренней стенке стекают жирные, медлительные «ножки», оставляя за собой цепочки тягучих «слёзок». Признак качества. В мире, где всё можно было подделать, такие простые земные маркеры обретали сакральный смысл.

- Ну как тебе быть снова молодым? - задал вопрос крепыш.

— Так же, как и тебе. Хорошо быть снова здоровым, — отозвался Владимир, не отрывая взгляда от коньячных узоров. — О чём хотел поговорить? Мы же не только выпить собирались.

- Володя, объясни мне свой выбор. Из всех кандидатов ты выбрал этих двоих. Отец с сыном, наёмники даже не третьего разряда. Да они даже краткосрочные курсы не прошли. Они же просто «расходный материал».

- Ты не прав, мой друг. У этих Потрошителей могут выжить только ничем не примечательные солдаты удачи, такие как эти отец и сын. Серые мыши. Новички, которые не прошли обучение по программе спецназа ГРУ, будут мало приметны. Основная опасность им, как ни парадоксально, грозит от шпионов наших западных «партнёров». Они тоже заинтересованы в этой чудо-вакцине. И конкурентов не потеряют. Пиндосы всё ещё не поняли, что в этой лодке мы все. Зависть, знаешь ли, глаза застит. Им кажется, мы от дележа внеземного пирога слишком большой кусок отхватили.

— Яйца в одну корзину не собираюсь класть. Я уже внедрил группу при предыдущей вербовке. Кстати, — Владимир наконец оторвал взгляд от бокала, — сведения о попытке Запада договориться с наблюдателями... об «точной зачистке» России. Они верны? - Надеюсь, что это не единственная группа? — спросил Валентин, делая первый глоток. Огонь коньяка был знакомым и надёжным.

- Может Запад ещё и высокотехнологичное оружие у наблюдателей пытался купить?— Как банковский код. Наглость и хамство не знают границ. Предлагали ресурсы целого континента.

— И это правда. Вот только если Совет Контролеров обнаружит на территории малоразвитых государств вооружение стран Содружества выше допустимого уровня развития и выяснит кто его поставляет... Многие хитромудрые головы полетят в пустоту добывать минералы на астероидах. Поэтому наблюдатели поставили западникам оружие. Качественное, земным аналогам не чета. Но всё — строго первого уровня: мечи, ножи, арбалеты, катапульты. Всё в соответствии с уставом карантинных миров.

— Именно. С пиндосов требовали предоплату. «Контракт» на ракетный удар по нашей стране в соответствии с договором они выполнили. Чтобы их не обвинил Совет контролеров в коррупционных делишках, наблюдатели нанесли удар по всем крупным городам Земли. Мотивировали тем, что человечество, дескать, не способно к мирному сосуществованию и нуждается в... воспитательном моменте. Только вот городов-миллионщиков у самого Запада оказалось больше.- Что, на каждого хитреца-ещё хитрее найдётся? — усмехнулся Владимир.

- Намного?А ПРО у нас — лучше.

- Пиндосы смогли сбить только 18% ракет наблюдателей, ЕС - 15%, Китай - 30%, а Индия - всего 10%. Сами себя перехитрили. Наблюдатели они, знаешь, как носороги. Характеры у них противоречивые. Они, то смиренные и спокойные, то вдруг становятся яростными и воинственными, ломают всё на пути. Их мощь, что внушает страх, и своеобразная близорукость — они себя в полной безопасности ощущают. Вот Запад и ощутил в полной мере это могущество и беспредел. Неприятно, когда космический носорог по твоим мегаполисам потопчется. Теперь сидят, как побитые моськи, раны зализывают.

- Нет такого преступления, на которое не пошли бы ради увеличения процента прибыли. Чего себе не хочешь, то и другим не делай. — философски заметил Владимир.

А теперь вникни, — Валентин поставил бокал, его лицо стало серьёзным. — инопланетных технологий и тотальным внедрением нейросетей люди перестанут самостоятельно лечить, преподавать и строить. Врачей, хирургов и терапевтов, заменят медкапсулы. Учителя тоже будут не нужны. Обучение и воспитание будет только для детей до двенадцати лет. То же касается фермеров, которых заменят на универсальные автоматизированные комбайны. Водители, грузчики, клерки — всё это устаревший биологический софт. Так зачем Западу, с его культом эффективности, лишние рты? Потребители, не приносящие прибыль?

- Ты куда речь готовишь? — приподнял бровь Владимир.

- Избранники «народные»! Неужели не поймут, что сейчас важно сберечь людей. Генофонд. Последний невозполнимый ресурс.- Пред Верховной палатой Федерального собрания РФ выступать буду. Представляешь, Владимир, они требуют снять запрет на эмиграцию. Глаза у них горят, мол, в Содружестве цивилизаций трава зеленее.

Мы выявили нескольких таких «лоббистов». Уже получавших взятки от внеземных корпораций за квоты на вывоз специалистов. Скоро посадят.

— Согласен. Ну что, за удачу?- Бог тебе в помощь в этом деле. А теперь хватит о работе, — Владимир поднял свой бокал. — А то коньяк, прости господи, прокиснет от наших речей.

— Не просто за удачу, — поправил его Владимир, и в его глазах мелькнула та самая былинная, нестираемая временем сталь. — Поднимем эту чашу за бойцов наших. За тех, кто на тропу нездешнюю ступает.

— Поднимем, — кивнул Валентин, и бокалы звонко встретились в тишине кабинета. — За удачу на тропе боевой. Чтоб ворон да не по нам каркал. Чтобы возвратились домой.

Земля, Томская область. Межпланетный космопорт «Северный Узел».

Никому не верилось, что этот величественный колосс из стекла, полимерного бетона и сияющего металла – младенец, не достигший и полутора земных лет. Его возвели на заснеженных просторах Томской области за два месяца, и это было самое наглядное доказательство того, что человечество уже не хозяин у себя дома. Репортеры и туристы со всей со всех стран мира слетались, чтобы увидеть инопланетные технологии в действии: Строительные дроны, управляемые инженерами-наблюдателями, возводили изящные арки, парящие в воздухе, и фонтаны, бившие водой, переливавшейся всеми цветами спектра. Архитектура была принципиально новой для землян. Журналисты описывали ее восторженными словами: – чудесная, открытая, полная воздуха и света иллюзия с зелеными парковыми зонами. Она вызывала восторженный трепет и горькое уважение. А над всем этим, пронзая купол терминала, уходила в

небеса сияющая голубая игла орбитального лифта – пуповина, связывающая колыбель с холодным космосом.

В этом огромном зале, среди спящих, как муравьи в разворошенном муравейнике, людей, простились двое: молодой, высокий мужчина и моложавая женщина в изящном платье цвета «кофе с молоком»

— Мама, не переживай. Там не опасней, чем в нашем районе вечером.

Да и мы с папой — вдвоём, — голос звучал излишне-бодро, как плохо настроенная струна.

Мама нахмурилась, и её взгляд, обычно мягкий, стал острым и пронзительным.

— Не ври мне. Я в галонете смотрела. В этом наёмном отряде, у этих... Потрошителей. Выживаемость — десять процентов. Статистика. Она не врёт.

Парень вздохнул, сдавая позиции.

— Мам, ты же сама понимаешь. Выхода не было. Андрей и Настя без этой операции... Хорошо хоть Олечку без очереди пропустили в регенерационный центр.

Он соврал. Соврал, даже не моргнув. Мама не выдержала. Слёзы, тихие и беззвучные, потекли по щекам, смывая макияж и остатки самообладания. Он обнял её, чувствуя, как хрупки её плечи под тонкой тканью. — Мам, я тебя люблю, не беспокойся о нас. У меня IQ высокий, — он говорил быстро, глядя поверх её головы в сияющий потолок. — Мне намекнули, могут на техническую должность определить. Буду в тылу как сыр в масле кататься.

— Мы с отцом внука хотели. А нравится... Это тебе она. Если любишь — мы потерпим. Потерпели бы, — она вздохнула, вытирая слёзы краем платочка с цветной вышивкой. — А где... твоя Анна? Она придёт тебя провожать? — спросила мама тихо, уткнувшись в его плечо. Горло сдавило тугой, знакомой спазмой. Обида. Глупая, подростковая, но от того не менее едкая. — Мы... поссорились. Сказала, что пять лет — это много. Да и тебе она, вроде как, не нравилась. Мама взглянула на него, и в её глазах была не победа, а бесконечная усталая грусть.

— Носите. Не снимайте. Мы вас ждём дома. Возвращайтесь, — голос дрогнул на последнем слове. Она резко отвернулась, чтобы не видеть, как они уходят, и её плечи снова затряслись. Подошёл отец, и аккуратно поправил маме выбившиеся из-под платка пряди волос. Жест был бесконечно нежным и неуместно громадным в этой стеклянной футуристической пустоте. — Всё, любовь моя. Пора. Корабль не будет ждать. Молись за нас, — его голос был спокоен, но в словах «там "покупатель" слишком грозный» слышалась стальная струна. — В дебри записать грозятся, если опоздаем. Мама враз собралась. Слёзы высохли. Её лицо стало сосредоточенным и строгим. Она перекрестила сына трижды, с силой вдавливая пальцы в мое тело, будто пытаясь вбить благословение прямо под кожу, в самое сердце. Потом обняла отца и так же, твёрдо, осенила крестом.. В последний момент вложила им в руки маленькие, тёплые от ладони нательные иконки Божьей Матери.

Действительно. Зачем говорить, когда всё и так ясно. Они прошли к турникетам, поднесли проездные документы к считывателю. Всё, Земля осталась по ту сторону барьера. В следующем зале их встретил молодой мужчина в строгой, непривычного покроя форме космической пехоты Содружества. Рядом теснилась разношёрстная группа с рюкзаками и потерянными лицами. Они засыпали вопросами на десятке языков, и синхронный автопереводчик в воротнике сержанта захлёбывался, выдавая кашу из обрывков фраз. Отец обвёл взглядом толпу, оценивающе хмыкнул и повернулся к сыну: — Похоже, русских, кроме нас с тобой, тут и нет. Зато получится, как в том анекдоте: «Ты кто?» — «Русский». — «А зачем сразу пугать?!» Он засмеялся своему собственному юмору, густым, бархатным смехом. Он всегда так — разжёвывает шутки, смеётся за себя и за того парня. Сначала это бесило, а теперь воспринимается как неотъемлемая часть повседневности. — Молчун ты у меня, — констатировал отец, хлопая его по плечу.

Сержант, не сказав ни слова, лишь кивнул и молча направился в зал орбитального лифта. Броуновское движение толпы вдруг обрело вектор и потекло за ним единым потоком. Отец, сделав шаг, на мгновение обернулся. Через толпу, через стекло, через пропасть, уже лёгшую между мирами, он увидел её — маленькую фигурку в платье цвета «кофе с молоком». Она стояла, прижав платок к лицу, и слабо, как в замедленной съёмке, махала рукой. Он послал ей воздушный поцелуй, быстрый и неуловимый, и шагнул в сторону орбитального лифта, уводящей вверх, к звёздам, пахнущим вакуумом и плазмой. Отец выпрямился, откашлялся и чётким шагом, в котором угадывалась армейская выучка, подошёл к сержанту. Взглянул на сопроводительный лист на планшете, сверил с непонятными шевронами на рукаве и отчеканил, как российский военнослужащий: — Господин сержант! Команда А-7442 прибыла для прохождения контрактной службы. Старший команды — Василий Обоскалов.

Я уставился в боковое стекло. По нему били мелкие дождевые капли, превращаясь в прозрачные змейки, которые и стекали наискось вниз. Мне казалось, что Земля грустит. Что она плачет этим мелким, противным дождём, прощаясь с нами. Моё настроение полностью соответствовало хмурой погоде за окном. Тяжёлые, грозовые тучи заволокли всё небо. Подгоняемые сердитым ветром, и они, как стадо испуганных косматых зверей, надвигались на силовое поле лифта, сталкивались с невидимой стеной, затем суетливо толкались, огибали его и, сверкая молниями неслись прочь, в безымянную даль. Мы быстрым шагом влились в хвост нашей разношёрстной команды, двигавшейся к терминалу OL (Orbital Lift). Рутинная проверка документов дроном-сканером прошла формально и без особых затруднений. Погрузились в обычный, до унылости земной автобус, который и повёз нас к подножию того самого сияющего колосса.

— Я в детстве мечтал в космос попасть. Настоящий, понимаешь? — сказал он, не отрывая взгляда от несущихся туч. — Что ж, мечта идиота сбылась. В полном объёме. Отец легонько ткнул меня локтем в бок.

Моя рука в кармане судорожно сжала тёплую нательную икону. Душа, странным образом, успокоилась. А та чёрная тоска, что сидела на плече, взмахнула крыльями, как непрошенный ворон, и умчалась в дождевую мглу. Он, даже в свои зрелые годы, оставался тем самым мальчишкой-романтиком, пытавшимся привить вкус к приключениям своим детям. — О, смотри! Хороший знак! — вдруг вскрикнул он, оживляясь. Яркий-яркий солнечный луч, словно золотой клинок, рассек серую хмарь. Он ударил в зеркальные стены космопорта, отразился ослепительной вспышкой, и на секунду всё вокруг заиграло причудливой россыпью радужных зайчиков. Хмурый день ожил. Я невольно улыбнулся. Где-то глубоко в груди, шевельнулась маленькая, тёплая точка — надежды. Я вернусь. Мы ненадолго, — мысленно, пообещал я себе и кому-то невидимому.

Ускорения почти не ощущалось — система антигравитации гасила перегрузки с аристократическим безразличием. Золотистые светофильтры на стенах мягко спасали зрение от жёсткого ультрафиолета, который за бортом выжег бы всё живое. Всё было штатно, бесшумно, инопланетно совершенно. Подъём на орбитальном лифте произвел впечатление даже на самых равнодушных пассажиров. Кабина на тридцать человек, с панорамным, абсолютно прозрачным обзором. Позволяла, как в лучшем трехмерном документальном фильме, оценить всю ускользящую красоту голубой планеты под ногами. Зелень лесов, синеву озёр, изгибы рек с огромной высоты.

— Только бы фамилия у него не Сусанин, — пробурчал отец себе под нос, но так, что слышали все вокруг. — Заведёт в какие-нибудь реакторные отсеки и бросит. А мы тут, как те котята, «на ихнем ни бельмеса, ни гу-гу», — он процитировал Высоцкого с той особой интонацией, что превращала тревогу в шутку. Переход на орбиту прошёл без происшествий. Нас, погрузили в челнок, который и доставил на борт космического корабля наёмников — громадную, унылую конструкцию, больше похожую на плавучий док, чем на звездолёт из фильмов

«Звездные войны». Сопровождающий сержант, молча передал пачку наших цифровых досье офицеру в таком же непривычном мундире и удалился, будто сбросил балласт. После переключки офицер, не утруждая себя речью, повёл нас вглубь корабля только ему ведомым путем. Лабиринт коридоров, идентичных как близнецы, навевал тоску.

Нас разбили на взводы, назначили новых сержантов — уже не землян, а здоровенных ребят с нечитаемыми лицами — и разместили в кубриках с удобными, креслами для периода разгона. Через десять минут мы вошли в просторный, похожий на лекционный, зал. Всю нашу тысячу голов (примерно столько набралось новобранцев со всей Земли) усадили перед огромным экраном. На нём весело крутился рекламный ролик. Яркая, сочная анимация объясняла, как просто и приятно изучать «Общий Язык Содружества»! Субтитры на русском, английском, китайском и ещё десятке наречий любезно разъясняли: обучение будет проводиться с помощью гипнопрограммы во время перелёта. И подлежат ему все выходцы (дикие) с планет, не входящих в Содружество. Слово «дикие» светилось нейтральным шрифтом, не оставляя сомнений в нашем месте в галактической иерархии.

Корабль, набирая ход, почти незаметно пересек границу Гелиосферы. Лишь лёгкая, едва уловимая вибрация в корпусе, похожая на отдалённый гул гитарного усилителя, выдала этот момент. Через три часа разгона последовал гиперпрыжок. Первый в жизни. Ожидал чего-то вроде вспышки, провала, головокружения. Но было лишь чувство лёгкой, секундной неправильности, как будто мир на миг моргнул.

А через два часа мы очнулись. Голова раскалывалась, будто по ней кто-то методично прошёлся кувалдой. Но в этом хаосе боли проступило чудо. Мы понимали. Слова сержанта, его команды — они обрели смысл. Мы могли не только понять, но и ответить. Практические занятия, больше похожие на дрессировку, помогли сгладить и акцент. Цена за билет в цивилизованное общество оказалась простой: несколько часов отключки и адская головная боль. Как говорил отец, «за всё надо платить». После прыжка нас, повзводно, отвели в специальное помещение, похожее на парикмахерскую прошлого. Там каждому выдали шлем. Не стильный нейроинтерфейс, а именно шлем — тяжёлый, нелепый, похожий на аппарат для сушки волос - сушуар, увешанную пучками проводов. Нас усадили в кресла, приладили эту конструкцию на голову. Шлем пискнул, загудел где-то в самой кости. Потом мир провалился в тёмную, беззвездную муть.

После сдачи зачёта по «общему языку» (тест назывался «Базовое понимание команд») нас ознакомили с Кодексом Наёмника Содружества. Оказалось, по тамошним законам, каждый «дикий» обязан лично прочитать свод правил на общем языке и поставить личную биометрическую подпись. Только после этого мы из «живого груза» превращались официально наемниками со всеми правами и обязанностями.

Любопытной была статья о расторжении контракта. Односторонний отказ – пожалуйста. Но лишь после выплаты штрафа, суммы астрономической, предназначенной не для расторжения, а для вечного устрашения. Кредиты за лечение родни списывались с зарплаты, но не более пятидесяти процентов. То есть, отдавая пять лет жизни, ты мог спасти чью-то жизнь на Земле. Справедливая арифметика. Обязанности наемника были просты: беспрекословное подчинение и исполнение приказов в рамках Кодекса. «В рамках» – словечко достаточно растяжимое с точки зрения закона. Взамен полагалось «полное довольствие» (состав не уточнялся), денежные выплаты по тарифной сетке (сетка прилагалась, но в кредитах, курс которых нам был неизвестен), боевые надбавки и двадцати пяти процентов от стоимости трофеев.

В свободное время от обучения нам показывали «фильм-сказку». Документальный фильм о том, как невероятно повезло таким как мы – попасть в славные ряды Частной Военной Компании Наемников (ЧВКН) «Потрошители». Их девиз, скандируемый нами хором голосов, звучал, как удар молота по наковальне: «МЫ СОБЛЮДАЕМ САМИ И ЗАСТАВИМ ДРУГИХ ЧТИТЬ ЗАКОНЫ СОДРУЖЕСТВА ДАЖЕ В ДИКИХ МИРАХ!»

Главный герой видеоролика походил на молодого античного героя, подобного Гераклу: огромного роста, крепкого телосложения, с мощными мускулами, переплетёнными словно толстые канаты. Он эмоционально, с блеском в глазах, хвастался заработками (крупным планом показывались стопки кредитных чипов) и вниманием «элегантных подружек из высшего общества», мечтающих заполучить такого брутального героя в мужья. Из контекста следовало, что «Потрошители» – это благородные стражи, выполняющие заказы по наведению конституционного порядка в «диких мирах» (определение, охватывающее всё, что не успело пройти аттестацию независимых государств Содружества).

Важный нюанс: солдатский и сержантский состав набирался исключительно из «диких». Офицерский корпус – другая история. Из летального вооружения разрешалось лишь «лёгкое стрелковое» оружие, и штурмовые дроны, для обороны наземных объектов. Позже, на демонстрации, этого «лёгкого» вооружения, я понял: наш земной танк не пережил бы и одного попадания. Финал ожидающей нас сказки был светел: после контракта – вид на жительство, гражданство, богатая жизнь и радостная встреча с семьёй под искусственным солнцем одной из планет за внутренней областью Содружества. Картинка была настолько идеально вылизана, что казалось стерильной и нереалистичной.

— Все люди как люди, а я — в бабский коллектив, — возмутился он, но в его глазах уже читалась привычная ирония над абсурдом. После просмотра дежурный офицер сухо объявил, что дальнейшее обучение пройдёт на космической учебной станции «Волки Войны». Полёт занял трое земных суток по земному времени, которые целиком ушли на гипноуроки, обязательный отдых и интенсивное питание. Перед выходом с корабля нам выдали форму – неброский комбинезон с нашивкой «Курсант» и небольшой аванс в кредитах. Перемещение будущих курсантов, с корабля на учебную станцию провели через транспортный шлюз, так как корабль, несмотря на его громадные размеры, был заведен внутрь станции. Нашему взводу определили сектор 4 «В». Кубрики. Разместили по восемь человек. Помещение три на четыре метра – практически камера, но обставленная с претензией на заботу: складной стол, шкаф, такие же складные спальные места, убирающиеся в стену по команде с планшета. Санузел: душ и туалет, мало чем отличающийся от земных по виду, что наводило на мысли о вселенской унификации сантехники. Возникла курьёзная ситуация. Мой отец, Василий, по алфавитному списку попал в кубрик, где оказались семеро девушек из разных уголков Земли. Он, сокрушаясь, попытался перевестись ко мне, мотивируя это тем, что «в бабском коллективе мне некомфортно». Ему вежливо, но твёрдо отказали: «У нас нет женщин. Здесь одни курсанты». Желающих поменяться с ним местами, впрочем, было хоть отбавляй.

Всё встало на свои места после медицинских процедур. Вернее, после прогона через медицинские капсулы, где нам, под предлогом «усиления физиологических кондиций», вкачали коктейль от компании «Биоинжинеринг» состоящий из стимуляторов, анаболиков и блокаторов.

Инъекция выжгла из сознания всё лишнее. Все страхи, сомнения и – что самое главное – сексуальные желания были химически отключены, как ненужные функции в дешёвом гаджете. Тело стало послушным, сильным и абсолютно нейтральным. Девушкам, как заметил кто-то из остряков, «повезло меньше»: мужчин вокруг – море, а «толку» – как от стакана пресной воды в солёном океане. Теперь мы все были просто курсантами. Идеальным, лишённым «слабостей» биоматериалом. Готовым к тому, чтобы нас вылепили, обожгли и бросили в самое пекло.

Сержант, крепыш с квадратной мордой и кожей темно-серого оттенка, успокоил: «К концу учебки либидо вернётся. Сначала из вас выжмут все соки изнуряющими тренировками, доведя выносливость до максимума. Потом нарастят массу. И станете как медведи: быстрые, сильные, но тупые. Идеальный солдат – тупой солдат».

Я мысленно хмыкнул, и где-то в затуманенных глубинах мозгов всплыл образ: Сам ты тупой. Наши медведи – не тупые. Они умные, ловкие, себе на уме. Не зря же он символ России.

Там, где этот «идеальный солдат» сломает башку о стену, наш русский медведь найдет дверь или сделает подкоп.

С первых дней требовали полного, беспрекословного подчинения. После инъекции это стало для нас не требованием, а законом природы. Препарат действовал на психику, разрушительно, словно кислота разъедает металл, выжигая всё личные индивидуальные качества, оставляя блестящую, готовую к штамповке поверхность. Мы превращались в покорных кукол, не знающих сомнений. Даже то, что контрактный год у «Потрошителей» в полтора раза длиннее земного, никого не возмутило. «Ещё два с половиной года в отряде – легко! Зато какую пользу принесём братству!» – эта мысль витала в воздухе, липкая и чужая, как паутина.

Мы горели желанием сделать жизнь начальства лучше. Старались понравиться сержантам со щенячьим восторгом. Кажется, если бы приказали прыгнуть в реакторную шахту, мы бы ещё и подрались за право сделать это первым. Эти попытки выслужиться рождали дикие, истеричные конфликты внутри взвода. Ссоры, драки. Я и сам несколько раз ловил волну спонтанной ярости к соседям по кубрику. Здравомыслие медленно утопало в химическом болоте. Я чувствовал себя Гераклом, готовым на подвиги ради славы ЧВКН. Беспокоило лишь одно: мысли не слушались, разбегались в голове, как тараканы от большого тапка.

Отец подошёл ко мне через неделю после введения инъекций. В его глазах не было и тени того тупого восторга, что заполнил всех.

— Ты справился с психокоррекцией? — спросил он тихо, но чётко. — Кого больше любишь: сержанта или маму?

Вопрос будто ударил током. «Сержант – лидер! Кто мы без него? Я жизнь за него отдам!» – пронеслось в голове готовой, накачанной фразой. Гнев, внезапный и белый, ударил в виски. Я беззвучно зарычал и нанёс удар в голову отца.

Он был готов. Сделал плавный уклон, перехватил мою руку, провернул захват и прижал к холодному полу, заорал в ухо так, что барабанные перепонки грозили лопнуть:

— Рядовой! Семьсот семьдесят два умножить на триста двенадцать! Отвечать! Я не понял, почему молчим? Упал-отжался! Быстро!

И он заставил меня отжиматься, вколачивая в мозг арифметические задачи. А я, как послушный зайчонок, не мог отказаться от приказа – структура подчинения сработала безотказно.

— Дважды два?

— Чы... четыре, — выдавил я, сознание плавая в вязкой жиже.

Почувствовав чудовищный диссонанс, я остановился. Отец присел рядом, и в его взгляде была не злоба, а та самая, земная, усталая жалость.

— Сын, я как старший приказываю: вспоминай о доме. Это гипноз. На Земле так сектанты вербуют. Им нужно, чтобы мы стали пушечным мясом, которое радо умирать. Делаем вид, что всё в порядке. Они должны быть в нас уверены. Только тогда есть шанс вернуться.

Он приложил палец к губам и прошептал ещё тише:

— Мои... знакомые в медцентре советуют. Коктейль спортивного питания №5 – не пить. Туда психотропные лекарственные средства подмешивают, для закрепления эффекта.

Отец вздохнул, ободряюще похлопал меня по плечу, и его голос снова стал громким, обыденным:

— Напиши матери. Беспокоится очень.

Он резко развернулся и ушёл. А я простоял ещё несколько минут, пытаюсь собрать разползшиеся осколки себя.

После отказа от коктейля и той психологической встряски, что устроил отец, мой разум стал потихоньку сопротивляться. Я ещё не мог мыслить ясно, но уже начал видеть абсурдность происходящего. Рассудок протестовал против этой тщательно организованной несправедливо-

сти. Самым тяжким трудом стало изображать щенячью преданность. И выполнять идиотские приказы.

Однажды сержант, развлекаясь, приказал курсанту взлететь и достать до потолка. Тот, широко растопырив руки, стал подпрыгивать, старательно махая «крыльями». На его лице застыла глупая, блаженная улыбка, не сходявшая даже, когда он шлёпался на пол. Он прыгал, пока сержанту и его хохочущим приятелям не надоело наблюдать этот цирк. Наказав «неудачника» за невыполнение приказа, они пошли искать новые развлечения.

Во мне всё сжалось от бешенства и жалости. Я сделал шаг вперёд, но отец, находившийся рядом, будто предвидев, железной хваткой впился мне в плечо. Его шёпот прозвучал прямо в ухо, холодный и неумолимый, как приговор:

— Ему не поможешь. А нам – навредишь. Играй свою роль. Выжить – вот наш приказ.

Я стиснул зубы и отвёл взгляд. Впервые за много дней я чётко осознал: мы находимся не просто на учебной базе. Мы находились в самом сердце циничной, отлаженной машины по производству пушечного мяса. И наше единственное оружие было в том, чтобы притворяться уже перемолотыми.

Позже, оставшись с ним один на один, я спросил: — Знаешь, в жизни редко бывает всё идеально. Наверняка где-то в тайне добавили ложку дёгтя. Но с каждым днём тех, кто даже притворяться не мог – тех, чья воля была полностью подавлена химическим коктейлем, – становилось всё больше. Организм перемалывал психотропные вещества, и программа введенной инъекции вступала в свои права. Менялся я. Менялись сослуживцы. Но больше всего поражала трансформация отца в его шестьдесят два года. Препарат уничтожил в нём всё возрастное, оставив голую, агрессивную энергию. Характер стал жёстче и резче. Он превратился в вечный двигатель: не мог стоять на месте, во время разговора мог внезапно подпрыгнуть, с лёгкостью доставая до трёхметрового потолка, или начать отжиматься, будто заведённый невидимой пружиной. Отец стал чрезмерно демонстративен и активен в общении, появилась излишняя самоуверенность и торопливость. Внешне он стал походить на античного героя, вышедшего из-под резца не слишком талантливого скульптора: мышечный каркас гипертрофировался, жировая прослойка исчезла, обнажив рельефы, которые в его годы должны были быть сглажены временем. Теперь было понятно, почему при наборе не смотрели на возраст. Здесь не нужны были люди – нужен был биоматериал с определёнными генами. Чтобы прояснить ситуацию, мы с отцом осторожно интересовались у персонала о возможностях инъекции. После особенно изматывающей тренировки мне удалось разговорить одного из инструкторов по рукопашному бою – невысокого, широкоплечего, с лицом, на котором читалось скучающее всезнайство. Меня глодало любопытство: чья это разработка? Сержант, как, оказалось, был тем ещё болтуном – настоящая находка для любого, у кого есть уши и немного кредитов. — Наши командиры, — с важностью вещал он, — с большим трудом договорились с компанией «Биоинжинеринг» об испытаниях именно в нашем отряде. Как я предполагаю, компания ищет пути улучшения человеческого тела без имплантатов. — Уверенно скажу: биоинженерия творит чудеса! — его голос звенел неподдельным восторгом. — Врать не буду, но через три месяца вы превзойдёте обычных людей по многим показателям. Ваша костная структура будет прочнее, мышцы объёмнее, связки эластичнее. Сила, выносливость, реакция... Даже ваши мозговые клетки изменятся в сторону увеличения скорости восприятия. Вы станете уникальным продуктом. В бою это даст преимущество.

Пришлось раскошелиться на недорогое вино и закусь. Информация оказалась дорогой, но бесценной. Куратор будет доволен. — Если честно, — он понизил голос, — думаю, наши командиры хорошо на вас заработали, согласившись на испытания. Побочные эффекты всплывают к третьему году службы. Всё зависит от организма и устойчивости ДНК. А у вас, землян, ДНК наиболее близка к генотипу «Джоре» во всём Содружестве. Поэтому такой большой набор. И национальности разные брали – генотип нужен разнообразный. Больше не знаю. Так

что готовься к изнуряющим тренировкам лет пятнадцать, пока клетки не обновятся полностью. А то жиром заплывёшь. Если, конечно, выживешь, — он злорадно хмыкнул. — Это не я придумал, это по результатам их исследований. Кстати, с тебя выпивка. Бесплатно инфа не канает.

Зачёт по физподготовке принимался по последнему курсанту. Из-за аутсайдеров весь взвод бегал, лишние круги или делал дополнительные подходы. Поэтому «воспитание» отстающих воспринималось на ура. Командиры взводов быстро сообразили, как упростить себе жизнь. Они приблизили к себе самых сильных и агрессивных курсантов, делегируя им свои полномочия. Сержанты устранились, освобождая время для развлечений (финансируемых, разумеется, взятками и поборами). И взводы погружались в хаос примитивной, жестокой самоорганизации. В СССР это называлось «дедовщина». Здесь это называлось «повышение эффективности». Власть захватывали беспредельщики, считающие себя высшими людьми, «право имеющие». Они правили кулаками и унижением. Но самое циничное было в их «бизнес-модели». Отец разъяснил схему. Всё было гениально просто.

- Так им и надо, сами виноваты.

А всех желающих покомандовать он приглашал на спарринги «для повышения боевой подготовки». В СССР он заработал КМС по боксу, в лихие девяностые — коричневый пояс по карате. И дрался он с упоением, не только с курсантами, но и с зазнавшимися сержантами, сбивая с них спесь. «Право имеющие» подходили к инструктору с просьбой «потренировать» слабака. После избиения курсанта сдавали в медпункт. Медики брали за лечение двести кредитов наличными или триста в долг. И, как выяснилось, откатывали «воспитателям» по тридцать кредитов с каждой «головой». В нашем взводе висело трое с долгами за три тысячи каждый. . . Отец, став правой рукой сержанта, эту вакханалию прекратил. Но заменил её каторжным трудом. — Чем меньше у курсанта свободного времени, тем меньше у меня головной боли, — парировал он все жалобы.

Эти земные, пахнущие домом воспоминания были теперь нашим тайным оружием. Той нитью, что удерживала нас от полного превращения в продукт. В медведей — быстрых, сильных, себе на уме и не тупых. Со мной он проводил тренировочные бои особенно часто. Синяки и ссадины стали моими отличительными знаками. Несколько курсантов, решив, что я слабак, попытались поднять на мне свой авторитет. Не вышло. Никто не знал, что мы родственники, и все решили, что наши схватки — борьба за место в свите сержанта. Отстали после того, как двое самых ретивых отправились в медкапсулу чинить разбитые физиономии. На вопросы о спортивном прошлом я отшучивался: «КМС по шахматам». Большинство воспринимало это как удачную шутку и заливисто хохотало. Как же я мог рассказать им правду? Что я рос озорником, и отец вместо ремня предлагал выбор: тридцать минут в углу, сто отжиманий или двадцать подтягиваний. Как-то раз за неделю у меня набежало больше двухсот подтягиваний. А ещё можно было обыграть его в шахматы — и все долги прощались. Но выиграть у него, обладателя первого разряда, было делом чести. В седьмом классе я выигрывал два раза из десяти. В девятом заработал свой КМС по шахматам. И отец, проигрывать не любивший, после этого со мной играть перестал.

Первые месяцы свободного времени у курсантов не существовало в принципе. Тренировки и физподготовка выжимали все соки, как промышленный пресс. Я едва волочил ноги до кубрика, где падал на постель, словно подкошенный. Мне казалось: только закрыл глаза — и уже побудка, а впереди новый день, начинённый до отказа утомительными занятиями. Так, в этом аду из пота, боли и автоматического подчинения, незаметно промелькнули тяжелых и изматывающих месяца.

Отец, как всегда, был эмоционален и горел идеей. Я расспросил его подробнее и согласился. План звучал дерзко, но жизнеспособно. Начался новый этап. В программу ввели новые предметы по тактике, стратегии и обращению с вооружением Содружества. Физическая составляющая отошла на второй план, появились просветы — островки свободного времени. Кур-

санты, изголодавшиеся по безделью, предавались неге и лени, как катаржане, получившие нежданную передышку. Отец эту расслабленность не одобрил. — На днях объявят соревнования за звание сильнейшего бойца станции, — сообщил он мне, застав за попыткой просто посидеть. — А мы с тобой не готовы. Нам нужны полноценные тренировки, а для этого необходимы абсолютно разные спарринг-партнёры. Иначе уровень не поднять. Предлагаю поучаствовать в подпольных боях. Если что — медики помогут. Я договорился. И деньги заработаем. Он потер большой палец об указательный, что обозначало ожидание больших денег, жест универсальный для всех галактик. Я взглянул на него вопросительно. — На самих соревнованиях, — продолжил отец, понизив голос, — нам нужно войти в десятку. Не выше. В финале ожидаются крупные ставки, красивые и жесткие зрелищные бои. Кто заплатит нам больше всех, тот получит большую «сладкую конфету»: мы позволим ему победить. Ты слышал про нейрокоммуникаторы? — Да, это урезанная нейросеть. Детская версия, кажется. — Именно. С её помощью в мозг можно загрузить любые знания: от живописи до квантовой физики. Всё зависит от купленной информационной базы и уровня интеллекта. Хочешь быть профессором? Покупаешь базу седьмого уровня — и ты профессор. Главное — купить эти базы! На станции для курсантов — скидка пятьдесят процентов. А у местных прапоров — вообще за копейки начальные уровни достать можно.

Отец берег все заработанные деньги, как ростовщик Гобсек золотые монеты. (повесть Оноре де Бальзака) Участие в подпольных боях далось мне нелегко. Выигрывал я редко, За неделю боев моё тело быстро украсила россыпь синяков и ссадин — натуральный камуфляж неудачника. Можно было подлечиться в медкапсуле, но отец был непреклонен: — Твой «заморенный и избитый» вид — наш главный козырь. Обманет противника и поможет заработать нам кредиты. Ставки будем делать в финале. Мы-то знаем, что выигрывать не будем.

— Давай в начале прикинемся слабаками, — предложил я. — Будем побеждать случайным «чудом». А в последних двух боях перед финалом покажем быстрый и эффектный поединок. Кто будет побеждать, если судьба сведет нас? О начале официальных соревнований объявили на общем построении. Главным призом была нейросеть «Пехотинец 2М» и путёвка на корпоративные соревнования за звание лучшего бойца.

— Победишь ты, — без колебаний ответил отец. — Люди уже привыкли, что выигрываю я, поэтому ставки на меня невысоки. На тебе — заработаем больше.

Эта призовая нейросеть нам не нужна. Она для сержантского состава, а мне хочется купить что-нибудь на вырост, как минимум, нейросеть для офицерского состава. Так что первое место — не наша цель.

Нам повезло. Все прошло как по маслу. Самое главное - нас не свели в одном поединке в плей-офф (англ. Playoff).

Как и предсказал отец, ставки на нашу победу перед первыми поединками были один к трем. Большинство болельщиков делающих ставки, увидев наш «потрёпанный» вид, поставили против нас. И это понятно: после подпольных боев даже отец был в синяках. На взгляд профанов, выигрывали мы с трудом, буквально на грани. Хотя мне было трудно тянуть время, имитируя тяжелую битву. Для многих болельщиков была шоком быстрота последних наших побед. Мы их выиграли впервые секунды боя. Отец довольно потирал руки. Наше благосостояние росло в арифметической прогрессии.

В первом бою финала мне по жребью выпал один из наиболее вероятных фаворитов — курсант Бонт. Он был просто непробиваемый, казалось, его голова отлита из титанового сплава и глупости с самомнением. Перед выходами, играя на публику, он с дурацкой торжественностью ломал о свой лоб керамические плитки непонятного происхождения. Многие пытались повторить — получались лишь сотрясения головы и насмешки. Для его противников это был убийственный психологический аргумент ещё до начала боя. Специальной техники у него не было — был дикий напор и та самая «железная» голова, которую он совал под любые удары.

Побеждал всегда. Мы узнали уже на исходе учёбы, что секрет его «непробиваемости» — в боевом коктейле, который он тайно покупал у медиков. Но тогда об этом не догадывались не только курсанты, но и инструкторы, которые и судили бои.

На соревнования Бонт являлся, как настоящая звезда: в алых шёлковых трусах и чёрной футболке с объёмным 3D-узором и кричащей надписью «ЖЕЛЕЗНАЯ ГОЛОВА». Его появление вызывало рёв фанатов: «Б-о-о-о-нт! Оле, оле, Бонт, победи!» — и прочую несуразицу.

Я вышел на ринг в моей замызганной, в пятнах крови и пота футболке и выцветших трусах. Толпа, сравнив нас, взревела ещё громче, но уже с одной интонацией: «Б-о-о-о-нт! Порви его! Б-о-нт!». Надо отдать должное — на его фоне я и правда смотрелся бледно, как мальчик для битья, случайно затесавшийся в финал. Бонт даже не озадачился, как такое могло произойти.

— А-А-А! Я тебя порву как плюшевого зайку! — заорал он, брызжа слюной от усердия. В этот момент ударил гонг.

Мы сошлись в центре бойцовского круга, на который были устремлены взгляды болельщиков. Я не спешил. Бонт же всем видом — раздувающимися ноздрями, игрой мускулов под футболкой — показывал публике, что справится за пару секунд. Его фанаты взрывались криками поддержки своего любимца. От его взрывных, но прямолинейных атак я уклонялся, иногда контратакуя. Время шло, а «мальчик для битья» всё стоял. Для Бонта это было как красная тряпка. Он не оправдывал ожиданий трибун. Приступы слепой ярости сотрясали его тело, заставляя снова и снова бросаться вперёд. В конце раунда я сумел подловить его на встречном — чётком «правом кроссе». От такого удара обычно противник отключался и оказывался на полу. Бонт лишь потрянул головой, как бык после удара хлыстом. Раунд закончился, и мы разошлись по углам.

Отец, подойдя, сказал на ухо: «Хороший удар. Чистый нокдаун. Непонятно, почему судья не засчитал. Значит, вали его по-настоящему. Иначе никак».

Второй раунд начался под оглушительный рёв: «Б-о-нт! Порви его!!!». Но во взгляде Бонта появилась трещина, он смотрел на меня уже другим, настороженным взглядом. Он стал беречься моих ударов. Бесполезно. Шаг влево, нырок под его замах, и мой левый крюк снизу бьёт точно в челюсть. Раздался глухой щелчок. Из рта Бонта брызнула тонкая струйка крови. Есть контакт! Его повело в сторону, и он, он непроизвольно, опустился на одно колено.

Судья начал отсчёт. В зале повисла изумлённая, давящая тишина. Никто не ожидал такого от «мальчика для битья».

На счёте «пять» Бонт поднялся. «Бой!» — скомандовал судья. Фанаты, опомнившись, взревели с новой силой. После короткого обмена ударами я понял: чтобы положить его окончательно, нужен жёсткий, акцентированный финишный удар. Я взорвался серией, надеясь, что хотя бы один пробьёт его «титановую» броню. Бонта качнуло, и он рухнул на настил лицом вниз.

Зал замер в шоке. И в этой тишине один фанат сидящий в первом ряду, опомнившись последним, вдруг истошно заорал: «Б-о-нт! Порви его!». Резкий удар локтем от соседа погрузил его в «транс». Бонт приподнял голову, обвёл зал мутным взглядом и прохрипел сквозь сломанные зубы в сторону того самого крикуна:

— Давай, выйди... сам порви.

Трибуны взорвались истерическим, нервным смехом. Всё было кончено.

После победы наш теневой посредник сумел-таки уговорить четырёх оставшихся финалистов вложиться кредитами в «правильный» исход их боёв. А ведь до этого все, кому он предлагал договориться, отказывали, крутя пальцем у виска. Видимо, зрелище поверженного «железноголового» идиота стало лучшим аргументом. В мире, где сила часто оказывается бутфорией, а показуха — оружием, трезвый цинизм и умение бить точно в челюсть всё же кое-чего стоили. Пусть и ненадолго.

Толпа, жаждавшая зрелища, ответила свистом и улюлюканьем. Некоторые особенно рьяные курсанты кричали, что «подставили», и грозились «прибить этого чела». Бедолага, лежащий на полу, был не интересен — зрителям нужен был спектакль. Отцу в первом бою финала достался слишком пассивный противник, который с первых секунд ушёл в глухую, почти каменную оборону. Тот не атаковал вовсе — видимо, стратегия была переждать и выиграть по очкам. Не срослось. Отец, с видом человека, которому надоело, силовым движением развёл ему руки, открыв корпус, и закончил встречным прямым в голову. Чисто, жёстко, без шоу.

Моя тактика была иной. Я позволял себя «избивать» с первого раунда, изображая полного неудачника. Потом внезапно «вспыхивал» жалкой, отчаянной активностью, а затем, «обессиленный», уползал в глухую защиту, лишь изредка огрызаясь одиночными ударами — намёк на опасный шип под внешней беспомощностью. Договорные бои отец отыгрывал как целое театральное представление. Его схема была выверена: начинал с доминирования по очкам, демонстрируя технику. Затем — намеренно «забывал» защиту, пропускал пару не самых болезненных ударов, искусно «получал нокаут» и падал с мастерски рассчитанной грацией. Апогеем был момент, когда он, «превозмогая», пытался подняться, давая зрителям надежду на чудо, и «бессильно» замирал. Публика обожала эту драматургию.

После столь старательного массажа он стал невероятно сговорчивым, доброжелательно воспринял все мои доводы и даже пообещал компенсировать «моральный ущерб». Его уши к концу беседы напоминали аппетитные лепёшки. Представьте Чебурашку после серьёзной тренировки. Так у него точь-в-точь. Один тип, решив поднять свой рейтинг, устроил шоу. Во время боя он строил мне неприличные жесты и орал: «Вы, русские, ленивые и алкаши!» Откуда выудил мою национальность — одному ему известно. Видимо, спинным мозгом почувствовал. Пришлось провести воспитательную работу. После боя он пришёл с претензиями — требовал вернуть проигранные кредиты. Начинал с истерики, шевеля распухшими губами и сыпля угрозами. Потом, сверкая глазками-щелочками, попытался напасть. Пришлось оказать медицинскую помощь. Сначала — интенсивный массаж ушных раковин для улучшения кровообращения. Затем — проработка грудного отдела, чтобы взбодрить сосудисто-нервные пучки и мышцы. Для закрепления эффекта включил точечный массаж шейно-воротниковой зоны, стремясь проникнуть глубоко в мышечные ткани. «Пациент» достиг полного расслабления — и мышц, и сознания.

Ещё смешнее обвинение в рабской психологии. Рабы, которые за один лишь двадцатый век устроили три революции и подмяли под себя фашистскую Европу? Тут хоть трижды «Ха!» скажи. Логика, как говорил отец, «хромает на все четыре копыта». Странные всё-таки эти западные мифы о русских! Нация, сумевшая удержать самую большую территорию на планете, выигравшая все свои крупные войны, первой запустившая спутник и Юрия Гагарина в космос — ленивая? Интересно, что было бы, если бы мы не ленились? Мир, наверное, действительно бы вздрогнул. Может, поэтому и боятся?

По итогам турнира я занял третье место. Отец — пятое. Мы проиграли ровно тем, кто заплатил. Наша ставка — не на титулы, а на кредиты и возможность купить те самые «нейросети на вырост» — сыграла. Мы остались в тени, но с полными кошельками и без лишнего внимания. В системе, где всё продаётся, самое разумное — быть не пешкой, а кассиром в этой игре. Пусть временным. Но пока — нашей.

— Понял, понял, — кивнул я. Отец был доволен. Вернувшись от своих «деловых партнёров», он торжествующе заявил: — Радуйся, сын. Корпорация за участие в финале подарит нам по набору баз первого уровня. А по благу, всего за тридцать процентов (!) от реальной стоимости, я достал семь баз второго и третьего уровня. Лично для тебя — «Юрист» и «Программирование». Для себя — «Медик» и «Техник». И на двоих — «Рукопашный бой», «Тактика малых групп» и «Бронекостюм». Всё со второго по третий уровень. Списанные, немного устарели, но нам сгодится. Выше третьего брат не стал — гранаты не той системы, — усмехнулся

он. Он имел в виду, что базы выше третьего уровня работают только с полноценной нейросетью, а не с нашим урезанным нейрокоммуникатором. — Только смотри, не болтай, с какой скоростью загрузка идёт и что почём, — наставительно добавил он. — Зависть — чувство опасное, а людская глупость и жадность непредсказуемы. Наше главное — время потянуть. Солдат спит — служба идёт. Держись в середине, незаметность — наше всё. Мы тут, в конце концов, не Родину защищаем.

Само устройство представляло собой чёрный пластиковый «нарост» за ухом, состоящий из двух частей: нейромоста, внедрённого в мозг, и внешнего коммуникатора. При сравнении с нейросетью выявлялось «значительное функциональное отставание»: слабый ИСКИН (искусственный интеллект-навигатор), сильная зависимость загрузки от врождённого интеллекта пользователя, низкая скорость обмена данными с мозгом и невозможность подключения имплантов. Зато — дешево, сердито и «соответствует основным требованиям рядового наёмника». Нас не обманывали: разницу между «премиум-классом» и «бюджетным вариантом» обозначили чётко. Перед установкой нейрокоммуникатора нас собрали на обязательные лекции. Нам разъяснили, что полноценная нейросеть — привилегия ветеранов и офицерского состава. А нам, «молодым», достаточно нейрокоммуникатора. С его помощью можно управлять вооружением и техникой, выходить в ГалоНет, вести видеосъёмку и загружать информационные базы знаний до третьего уровня включительно.

Победителей турнира направили в медблок вне очереди. Нас уложили в медкапсулы, внедрили нейромост, а на следующий день присоединили сам коммуникатор. Так же выдали считыватели «Баз знаний» и сами базы "Бронекостюм" и "Вооружение" первого уровня.

— Синхронизация — около суток. Исследованиями займётесь завтра. А то голова взорвётся от восторга, — буркнул он, явно видевший не один такой «восторг». Ощущение было странным: не больно, но как будто в голове появился посторонний, тихо жужжащий улей. Перед глазами всплыл логотип корпорации «НейроКом» и развернулся полупрозрачный рабочий стол с иконками. Медработник посоветовал свернуть всё и идти спать.

Поэтому я решил сначала загрузить все базы первого уровня, а уж потом договариваться с инструкторами о шестичасовых практических занятиях. Время, как говаривал отец, — тоже ресурс. И наш самый дефицитный. Пока другие «восторгались» медленной загрузкой, мы с отцом собирались тихо, без лишнего шума, стать самыми подготовленными «среднячками» на станции. В системе, где всё продаётся, знания, загруженные в мозг, были самой надёжной валютой. Не такой ценной как жизнь, но тоже невозвратной. Выждав двое суток, я осторожно запустил загрузку базы «Бронекостюм. Уровень 1». Процесс занял двадцать три часа. Следом поставил «Вооружение. Уровень 1». В среднем на базу первого уровня уходило около земных суток. Осторожно поинтересовавшись у других курсантов, я выяснил, что у многих на это уходило больше четырёх суток. Я быстро прикинул: шесть баз * 24 часа = 144 часа. Около семи земных суток на все базы первого уровня, что были у нас с отцом.

На практические занятия по бронекостюмам и вооружению мы с отцом пришли в первой десятке. Второй уровень баз я начал с «Программирования», лелея тихую надежду как-то оптимизировать свой нейрокоммуникатор, подкрутить «под себя». И не зря.

Оказалось, нейрокоммуникатор — не такой уж личный. Он исправно докладывал о всех моих действиях, запросах и даже ментальных командах ИСКИНу учебной станции. Более того, в скрытом мануале обнаружился пункт о «возможности внешнего перехвата управления в служебных целях». Я немедленно полез в настройки, но упёрся в цифровую стену: с моим уровнем баз доступ к системным функциям был заблокирован. Чистая диктатура железа.

Я нашёл отца и выложил проблему. Молча, оплатив доступ в ГалоНет с левого терминала, мы погрузились в поиск. На одном из полуподпольных форумов наткнулись на обходной путь: требовалось установить базу «Программирование» второго уровня, что открывало доступ к

служебному порту для «сторонней настройки специалистом». А специалистом считался тот, у кого была сертифицированная база «Программирование» третьего уровня или выше.

Отец тяжело вздохнул, смерив меня взглядом, полным родительского укора за лишние траты.

— Пойдём к медтехникам, — буркнул он. — У меня там есть знакомые.

По пути отец, разгоняя молчание, поведал, как сошёлся с обитателями медблока.

— Запали они, понимаешь, на девчонок из моего кубрика. А я там, типа, суровый охранник ихнего девичьего покоя. Ну, они подкатили: вино, закусь... Хорошо посидели. Они и проболтались, у кого и почём базы брать. С девчонками теперь дружат — у них же нет побочных эффектов после инъекции.

Доступ в медблок для меня, рядового курсанта, был закрыт. Отец отправился к своему знакомому, оставив меня в предбаннике — созерцать потолок и спящий персонал.

Скучать не дали медсёстры. Они с любопытством разглядывали меня, перешёптывались и подкалывали. В переводе на русский язык их шутки означали: «Кого же ты ждёшь, Иван-царевич?». Я напускал туману и делал загадочный вид, чтобы как золотую рыбку подсесть самую любопытную девушку — вдруг пригодится. Но отец вернулся слишком быстро.

В руке он сжимал чип с базой данных.

— Фамилия моя — Балбес, сразу не сообразил — проворчал он. — Совсем головой отупел. «Боевая медицина», первый уровень. В кредит взял. И «Программирование» для себя. Спасибо, что подсказал.

И понеслась та самая «весёлая» жизнь: тренажёры-симуляторы пехотинца, изматывающая физподготовка, полигон с полосой препятствий в полной экипировке бронекостюма. Милашки медсестры, зазывавшие меня в гости, ушли в прошлое, оставив приятные воспоминания и несбывшиеся фантазии.

Личного времени было в обрез, но мы выкраивали каждую минуту на изучение баз. Каким-то чудом отец договорился о «разгоне» — раз в неделю мы тайком пробирались в медблок и проводили всю ночь в регенерационных капсулах, ускоряющих нейронные связи.

— Скорость загрузки выросла почти вдвое, — констатировал отец с удовлетворением. — Как только «Программирование» третьего уровня освоишь — идём за сертификатом. Может, хоть какие-то костыли для нашего железа напишешь. Оптимизируешь.

— Хорошо, — кивнул я. — Поищу в ГалоНете решения. Готовь кредиты — бесплатно здесь только первый бит.

Мы строили планы. Писали программу действий на месяцы вперёд, как опытные стратеги, раскладывая будущее по полочкам: базы, сертификаты, оптимизация, возможное повышение.

Однако, как говаривал ещё мой дед, «человек предполагает, а Бог располагает». Главное — верить, что иногда Он забирает серебро, лишь чтобы потом вручить золото. Вот только всякая такая «переплавка» связана с тяготами, что ложатся на плечи тяжким, неожиданным бременем.

Наши с отцом планы, тщательно выверенные и просчитанные, изменились кардинально. Ровно через день. И к этому мы не были готовы никакими, даже с самыми продвинутыми, базами знаний.

Офис компании «Биоинжинеринг», кабинет начальника Службы Безопасности.

Кабинет начальника Службы Безопасности корпорации «Биоинжинеринг» походил на стерильную операционную. Воздух был без запаха, очищенный до лабораторной пустоты, а свет — яркий, белый, безжалостный, не оставляющий теней. В этой искусственной чистоте сидели четверо, и тишина между ними была густой, как сироп. В этой искусственной чистоте сидели четверо, и тишина между ними была густой, как сироп. Вице-президент компании, лысоватый крепыш Лер Винар, сидел, уткнувшись в невидимый посторонним интерфейс ней-

росети. Напротив — начальник СБ, полковник Гарус. Сухой, жилистый, с взглядом, прошедшим сквозь дюжину грязных конфликтов на периферийных мирах. Он не пытался казаться бюрократом.

Но истинный холод исходил от двух других. Аграфы. Посланник клана «Сумеречная Звезда», Фертониэль, и его неизменная тень — Черониэль, заместитель главы их тайной стражи. Они сидели неподвижно, их бесстрастные лица, лишённые намёка на эмоции, были обращены к людям, но взгляды будто смотрели сквозь них, на пустую стену. В воздухе висело тяжёлое, неловкое молчание, которое никто не спешил прервать.

— Гхм-гхм, — наконец прокашлялся Лер Винар, отрываясь от потока данных.

Фертониэль медленно перевёл на него взгляд, будто фокусируя линзу.

— Быть может, уважаемый Лер Винар расскажет, как прошли тестовые испытания вакцины «Джоре» на новобранцах с дикой планеты «Земля»?

Голос был ровным и холодно-бесстрастным.

— Испытания... успешны, — начал Винар, стараясь говорить деловито. — Подопытные с маркером ДНК, близким к генотипу «Джоре», показали увеличение физических коэффициентов от полутора до двух коэффициентов по шкале Эстера. Регенерация — бесподобна. Однако вакцина вызывает отторжение у иных генотипов, вплоть до летальных исходов. Ваша последняя разработка, ХМ5768976, проигрывает по всем параметрам. К недостаткам стоит отнести побочные эффекты, наблюдающихся к третьему году: психологическая неуравновешенность у 90% испытуемых, неконтролируемые генетические мутации у 30%, всплеск смертельных патологий к пятому году.

— Разрешите прервать, — голос Фертониэля не изменил тона, но в нём появилась лёгкая стальная вибрация. — Служба Безопасности Империи Антран проявила интерес к вашим... исследованиям. Высылает ревизионную комиссию. Если Императору станет известно, что мы предоставили вам вакцину «Джоре», утраченную тридцать семь стандартных циклов назад...

— Нас... зачистят? — голос Винара дрогнул, сбросив маску беспристрастного управленца.

— Нет, — ответил Фертониэль, и в этом слове было что-то более жуткое, чем прямая угроза. — Чистильщик не понадобится. При условии, что в ходе предстоящих боевых испытаний вы проведёте полную санацию группы. Устранение подопытных землян с обязательным уничтожением всего генетического материала. Всё должно выглядеть как боевые потери. Их, к счастью, немного. Всего семьдесят пять разумных единиц.

Лер Винар молча кивнул, сглотнув ком в горле. Профессиональная жилка взяла верх.

— Хорошо. Мы сворачиваем обучение этой группы. У вас есть ещё вопросы?

— Да, — Фертониэль сделал едва заметный жест рукой. — Новую модификацию вакцины вам предоставят. Требуется провести испытания на следующей партии землян в кратчайшие сроки. Мы надеемся, наше сотрудничество останется столь же... плодотворным.

Не прощаясь, аграфы развернулись и вышли, их шаги не издали ни звука.

Дверь закрылась. Только тогда полковник Гарус, молча наблюдавший за всем, словно хищник из засады, тяжело вздохнул. Он прошёл к скрытой панели, достал бутылку тёмно-рубинового вина и два кристалльных бокала. Налил, протянул один Винару.

Они выпили молча, одним глотком, как пьют перед боем или после тяжёлого приговора.

— Что будем делать? — спросил Гарус, его хриплый голос был первым человеческим звуком после ухода призраков.

Лер Винар поставил бокал, его пальцы чуть дрожали. Он снова посмотрел в пустоту, будто сверяясь с внутренними директивами.

— Все данные по группе «Земля» — стереть. Полное форматирование, включая логи медкапсул и нейрокоммуникаторов. А самих вакцинированных... — он на секунду запнулся,

подбирая стерильный корпоративный эвфемизм, — нужно заслать к черту на кулички. Без возврата. Что бы в первом же реальном столкновении даже биоматериала на анализ не осталось.

Гарус медленно кивнул. В его глазах не было ни сомнения, ни сожаления. Лишь понимание простой механики: иногда, чтобы сохранить проект, нужно аккуратно удалить даже самые успешные образцы. Они всего лишь товар А с товаром, даже живым, не спорят. Его утилизируют.

Система ВК№5767 планета Тромс.

Уже неделю наш батальон сдаёт выпускные экзамены. Нет не в теории. Настоящие, где противник ставит оценки лазером и плазмой. Двое уже провалились — навсегда. Наш наниматель — корпорация шахтёров «Копатель22». Как писал об этом один зубастый блогер в Галонете, у них давний спор с конкурентом «Копатель11» из-за шахты с редкоземельным минералом. Суд Содружества, эта далёкая и абстрактная инстанция, постановил: шахта принадлежит корпорации «Копатель22. Но здесь, во фронтире, верховенство права измеряется калибром пушек на орбите. Едва судья ударил молотком, как «Копатель11» устроил рейдерский захват.

Они бросили последние силы. Основные силы они расположили в районе шахты «Глубокая». Тяжелая штурмовая пехота рейдеров заняла оборону в космопорту для предотвращения высадки десанта. Даже в городок шахтёров ввели почти батальон — для острастки.

Мне было неизвестно, какими силами наши наниматели блокировали систему в космосе.. Но на земле у нас был перевес в живой силе и технике. Однако быстрой прогулки не вышло. «Потрошителям» пришлось выбивать рейдеров из космопорта с тяжелыми боями и потерями.

Нашу группу К3244 — пять усиленных батальонов — бросили на очистку гигантских складских комплексов космопорта. Нас подчинили технической группе в качестве усиления штурмовых дронов. Замысел был изящен: дроны сканируют, дроны штурмуют, а мы, пехота, идём следом «прогулочным шагом», постреливая в подозрительные тени и собирая трофеи. Первые два дня всё шло по плану. Мини-дроны, тихие как моль, ползали по вентиляции, строили 3D-карты. Затем шли «дроны-штурмовики», громкие и беспощадные. За ними шли наемники прогулочным шагом, постреливая по подозрительным углам.

На третий день, при штурме торгового комплекса, от весёлого и беззаботного настроения не осталось и следа. Мы потеряли двоих своих и пятнадцать штурмовых дронов — дорогих, как годовые зарплаты элитных бойцов.

Противник, организовал засаду, как по учебнику. Позволил нам зайти в здание, затем включил РЭБ — аппаратуру радиоэлектронной борьбы. Светошумовые и электромагнитные импульсы ослепили датчики, и дроны застыли, как дорогие игрушки. Из-за укрытий вышел вражеский десяток и спокойно приступил к «деактивации» — то есть, к снятию ценного железа. Их можно было понять: шанс разбогатеть за счёт чужой глупости выпадает не каждый день.

Мы конечно возмутились такой наглости. Возмутились и пошли в бой «с открытым забралом». Это не значит — честно. Это значит, что в ослепших бронекостюмах с заклинившими системами не повоюешь. Пришлось физически снимать броневую защиту с забрала, открывая лица свинцу и осколкам. Мы отбили дронов. Вернее, то, что от них осталось. Десяток наглецов изрядно ощипанный, но непобежденный, ускользнул.

На следующий день комплекс всё же взяли, сменив тактику. Теперь мы шли в первой линии, плечом к плечу с «дронами штурмовиками». Риск возрос в разы. Но и прибыль от мародёрства — тоже. Война на фронтире быстро учит простой арифметике: если нельзя избежать боя, нужно хотя бы компенсировать его стоимость. И чем выше риск — тем тщательнее стоит проверять разграбленные помещения.

В складских комплексах космопорта было чем поживиться: техника, образцы минералов, провизия, одежда, даже ящики с инопланетным вином, от которого искрился разум. Иные

счастливики находили и дорогую электронику. Большинство наёмников набивало вещмешки, мечтая после войны променять добычу на кредиты и устроить праздник жизни.

Вскоре мой бронекостюм МБ400 напоминал новогоднюю ёлку: сканер движения, энергощит второго уровня, станер, набор ЭМИ-гранат и прочая необходимая мелочь — для разведки, защиты и скрытых атак. Отец приобрёл всё это дёшево, почти за бесценок. Через месяц цены на защиту взлетели в разы. Мы с отцом придерживались иного принципа, кратко выражаемого поговоркой: «Мёртвым деньги не нужны». Всё, что попадало нам в руки, мы немедленно меняли у интендантов на улучшения для бронекостюмов и вооружения. Хочешь выжить — укрепляй себя любимого всеми доступными средствами. Благо отец умел торговаться.

В начале боевых действий сержант уверял, что в бронекостюмах мы неуязвимы, как Ахиллес. Потери быстро показали: наш МБ400 (малобронированный) — это одна сплошная Ахиллесова пята против лазерных и плазменных комплексов. Даже усиленный командирский бронекостюм не спас нашего сержанта — он получил ранения, несовместимые с жизнью.

В тот день мы штурмовали высотное здание. Сержант приказал нашему отделению начинать зачистку с чердака, а сам остался руководить с первого этажа. Мы привыкли, что нам противостоят наемники-новички, которых можно «попугать» — они часто сдаются, пользуясь пунктом контракта о выкупе пленных. Но тут попались ветераны, для которых рейтинг значил больше жизни. Загнанные в угол, они пошли на прорыв. Крыса в углу опасна, а опытные вояки — втройне.

— Это профессионалы! Порвали нас, как тузик грелку! — кричал отец, его голос звенел адреналином. — Не будь у меня энергощита второго уровня, лежал бы сейчас, как поджаренный цыплёнок табака! Сначала ЭМИ-гранатами вывели из строя дронов первой линии, потом открыли шквальный огонь — плотность больше десяти стволов. Я только и успевал менять энергоячейки в щите. Как они офигели, когда получили ответку в упор! Мы ведь не лыком шиты... Интересно, при отступлении ни раненых, ни убитых не бросили.

— Вижу по сканеру — трое «духов» в тыл пробираются. Решил сам с ними разобраться. Нашёл их в буфете — видно, перекусить хотели. Гранату им подкатил. После взрыва проверил штурмовым комплексом. И тут четвёртый, чёрт, откуда-то вывалился. Он мне энергощит в ноль снёс и ногу зацепил. Не знаю, как успел уйти с линии огня... Важнее было сохранить шкуру, чем геройствовать. Отец поморщился, потрогал ногу и, понизив голос, продолжал:

— Папа, бегство — не трусость, а правильно спланированный манёвр, — поддержал я.

— Он за мной погнался. Отомстить, наверное, решил за друзей. Ну, я вывел его на патрульного дроида «Тарантул». Ты же знаешь, чем он стреляет... Три сквозных попадания — не жилец. Подошёл к нему на всякий пожарный осторожно, со спины. Проверил на трофеи. Богатенький Буратино! Держи. — Отец протянул мне браслет телесного цвета. — Сходишь в техслужбу, пусть взломают. Думаю, это был главный у них. Потому что «духи» на нашем направлении отступили. Нас не додавили — самую малость. Он кивнул:

Офицер технической группы, выслушав рапорт, временно назначил отца и.о. сержанта — как самого инициативного. Тот разделил остатки взвода на две группы, вторую поставил под моё начало. Коррупция? Семейственность? Нет. Просто у меня единственного во взводе была прокачанная и сертифицированная база «Тактика малых групп» третьего уровня. На войне выживают не по благу, а по навыкам. Даже если эти навыки — у сына нового сержанта.

После боя в моем отделении всего один боец остался. Мы оба ранены, остальные — «двухсотые», дроны - в хлам.

- Здорово вас прижали, - вставил я.

- Да, дама с косой рядом прошла, - тихим голосом проговорил отец. - Обломав зубы о нас, ударили в зоне ответственности первого отделения. Да-да, это где межярусный лифт и аварийная лестница.

Когда «духи» прорвали оборону, на сержанта выскочили. А он расслабился до такой степени, представляешь, в кресле отдыхал во время боя, поэтому даже сопротивление оказать не успел. Прямое попадание в забрало шлема плазмой. Теперь там дыра. У него в голове, оказывается, мозг все же был, сам видел остатки. Ушли они, а мы теперь без начальства, — эмоционально махнул рукой отец. — Пойду, доложу лейтенанту.

Он резко развернулся и захромал в сторону командного пункта.

— Хочешь супер-пупер навороченную пушку — ради Бога, — говорил отец, — но свой штатный КШД-3 держи в исправности. А то обзаведутся «Большим Бумом» на три выстрела, а огневой бой может длиться часами. Потом эти умники будут отсиживаться за нашими спинами. Сменив тактику штурма, мы снизили потери и повысили эффективность. Отец свято соблюдал принцип: «Солдат всегда должен быть занят». Нашёл всем дело. Мне, например, вменили в обязанность следить за унификацией основного вооружения в отделении.

Можно было обидеться и дать в морду, но к кому потом идти за взломом? Дешифратор — в единственном экземпляре. Понял, почему отец сам не пошёл: не стерпел бы, точно люлей насовал им, слишком наглые ребята. Настоящим сокровищем стал ИСКИН в том самом браслете. По совету отца я отнёс его в техслужбу. По лицу мастера, крутившего браслет в руках, стало ясно: подарок — редкая удача. Техник не хотел расставаться, пришлось буквально отнимать. — Продай! — уговаривал он. — Вы же «дикие», вам не потянуть. ИСКИН требователен к интеллекту — минимум сто пятьдесят единиц. У прежнего хозяина и то работал не на полную, только управление оружием обеспечивал.

Я назвал его «Домовёнок Кузя» и засыпал вопросами. Выяснилось: у него тридцать два управляемых канала для связи с устройствами. Родилась идея — интегрировать через него несколько нейрокоммуникаторов. Тесты с отцом показали: «Кузя» держит связь на километр на открытой местности и на сотню метров в зданиях. Теперь в бою я мог управлять не только дронами, но и целой группой бойцов — бесценное преимущество. Стало понятно, почему так горели глаза у техника! Он явно хотел нажиться на моём неведении. Любопытство как всем известно сгубило кошку, ну и меня тоже не доведёт до добра. Едва выйдя, я нацепил браслет. Сопряжение прошло на «хорошо». ИСКИН сообщил, что у меня нейрошина У1 и нейрокоммуникатор «Пехотинец 2У» с отключёнными базовыми функциями, а мыслесвязь заблокирована. Пришлось общаться голосом.

В последующих штурмах нас с отцом всегда прикрывал лёгкий штурмовой дрон «Стрелок 1Т». «Кузя» управлял им в авто-режиме, мгновенно реагируя на угрозы. Мы видели полную картину боя: где засел стрелок, где спрятана турель, откуда ждать атаки штурмовых групп противника. Сила — в осведомлённости.

В корпусе расцвёл бартер по принципу «махнём не глядя»: вещи складывали в ящики из-под боеприпасов, вскрывали после обмена. Находились кидалы, подсовывавшие хлам. Но солдатский телеграф работал безотказно: мошенников заносили в чёрный список навеки. Кидалы пытались качать права. Особо агрессивных били. Постепенно стычки стали реже. Наступило временное затишье. Четыре месяца боёв закалили нас, превратив в ветеранов, которые мнили себя непобедимыми, что круче их только яйца. Отец лишь посмеивался: — Попробовали бы они, как наши деды в Великую Отечественную, без дронов в атаку ходить. Медвежья болезнь им была бы обеспечена.

Мы с отцом тоже участвовали. Знакомые делали ему заказы на редкие вещи, а у меня была база «Сканер» второго уровня, позволявшая видеть содержимое ящиков. Нечестно? Возможно. Но я не жадничал — всегда клал в свой ящик что-то стоящее. Для меня важна была не сверхприбыль, а уверенность в «честном» обмене с перевесом в мою пользу. Так мне удалось выменять модуль расширения памяти для «Кузи». Война учит не только стрелять, но и торговаться. Особенно когда у тебя есть преимущество, о котором никто не знает.

Знающие люди шепчут: нас скоро перебросят. Куда — не говорят. Что будет — не знает никто. Так что продавай. Только через меня. У меня канал надёжнее, и процент берут меньше. Скажи своим ребятам: кто хочет выжить — пусть идут через меня. Последний шанс прибахлиться.

Через два дня проверки стихли так же внезапно, как и начались. Служба безопасности отчиталась о выполнении плана по «наведению порядка» и растворилась, оставив после себя ощущение временного, шаткого затишья.

Склад с электроникой мы подчистили до последнего чипа. Каждый боец взвода получил свою долю — по шесть тысяч кредитов, что для наёмников нашего уровня было целым состоянием. Но жадность — плохой советчик. Рядом мы обнаружили ещё один ангар, уже занятый конкурирующим взводом. Любопытство взяло верх над осторожностью. Ночью, найдя старые схемы коммуникаций, мы прорезали лазером дыру в задней стене и проникли внутрь.

Внутри не было контрабанды или оружия. Там были они — женщины и девушки, испуганные глаза в полумраке, от двадцати до, возможно, шестнадцати, сидевшие на голом полу, с ошейниками с тускло мигающими огоньками.

Ходили слухи, что кто-то поставляет пиратам «живой товар». И что крышует их сама СБ. Наши компаньоны, сопоставив факты, предпочли ретироваться, бормоча что-то о «ненужных проблемах». Остались мы с отцом.

Он молча смотрел на пленниц, его челюсть была сжата так, что выступили белые полосы на скулах.

— Делай что должно, и будь что будет, — тихо сказал он, не глядя на меня. — Как-нибудь выпутаемся.

Мы вернулись вдвоём. Быстро, без лишних слов, перекусили ошейники, вывели всех через лабиринт технических туннелей к заброшенному выходу в индустриальной зоне и отпустили в ночь.

— Бегите. Не оглядывайтесь. И забудьте это место, — только и сказал отец, прежде чем захлопнуть за ними тяжёлую дверь.

Сообщать в СБ? Бессмысленно, если они в доле. Компаньонам объяснили: «Молчание — серебро. Слово — смерть».

Через день к отцу подошли двое. Форма «Потрошителей», но без знаков различия, и пытались казаться крутыми. От них пахло дешёвым стимуляторами и наглостью.

— Нужно перетереть одну проблемку, — заявил тот, что пошире в плечах.

— Я не психотерапевт, чтобы ваши проблемы решать, — холодно парировал отец, одновременно скидывая мне через нейрокоммуникатор: «Прикрой».

— Ты не быкуй. Мы по делу.

— Хорошо, — неожиданно согласился отец. — Давайте спустимся в подвал. Там спокойнее поговорим.

Он развернулся и уверенно повёл их вниз, в лабиринт складов. Я же, через чёрный ход, уже занял позицию в условленной точке, сняв с предохранителя станер и подключившись к камере дрона-наблюдателя, ждал сигнала.

«Крутые», оказавшись в подвале, обрели уверенность. Гопота всегда чувствует себя смелее, когда их двое против одного.

Долговязый брюнет начал визгливо:

— Ты серьёзно попал на большие деньги. Как будете расплачиваться?

— Пятьсот кило с каждого в вашем взводе, — поддержал второй, мелкий тип. — И быстро.

В этот момент сигнал с камеры дрогнул и погас. Глушилка. Отец подал знак.

Я ворвался. Брюнет уже лежал без сознания, второй наводил на отца бластер.

Мой станер выстрелил первым и второй «крутой» грузно осел на пол. Добил его рукояткой станера — на всякий случай.

— Вроде никто не видел, как мы сюда заходили, — сухо констатировал отец, собирая брошенное оружие.

Мы погрузили тела на грузового дрона и переместили глубже, в заброшенный отсек. Раздели, связали, вставили кляпы. Голый, связанный человек, чувствуя себя беззащитным, теряет всю свою наглость. Остаётся только страх.

Привели в чувство. Начался спектакль.

Отец сделал «зверскую морду»:

— Командир, — сипло заговорил он, обращаясь ко мне, но глядя на пленников. — Разреши помучить этих тварей. У меня сестру в рабство продали. Я хочу мстить. Долго и больно. Они всё равно ничего не скажут.

Я сделал вид, что раздумываю, потом спокойно, почти вежливо, спросил пленников:

— Сознавайтесь. Это вы убили Троцкого ледорубом?

Они замотали головами, глаза вылезали из орбит.

— Не хотите? Жаль. Тогда я пойду, прогуляюсь. А вы... побеседуйте с моим напарником.

Я вышел. Из-за двери послышались звонкие шлепки и глухой голос отца, подробно описывающего садистские фантазии.

Иногда он кричал громко с истеричным голосом: «Почему молчите?! Не хотите всё рассказать?!»

Через несколько минут я вернулся. Сделал жалостливое лицо.

— Не делай им больно, брат. Посмотри — ты же забыл кляпы вытащить. Они же не могут говорить. Они, наверное, уже готовы сознаться.

Никаких эмоций. Ни жалости, ни отвращения. Только холодный расчёт. Год назад я не выдержал бы этой сцены. Но скрытая психокоррекция, вшитая в нас во время «обучения», сделала своё дело. Человеколюбие выжгли. Я был другим. Совершенно.

Сначала заговорил первый. Через пятнадцать минут — второй. Они выложили всё: схему поставок, имена заказчиков, кто в СБ их «крышует». Брюнет, истекая соплями и кровью, вдруг вспомнил, что ледоруб спрятал его напарник, и именно он убил Троцкого. Мы заставили их скинуть все данные с нейросетей на наши браслеты. Отец ткнул каждого электрошокером в разъём нейрокоммуникатора — на всякий случай, чтобы стереть возможные следы.

— Эти сволочи столько людей в рабство отправили... Пусть живут дальше. Идиотами. А мы разберёмся с их «крышей». Тем более сегодня у них дележка барыша.

Скрытно выдвинулись к цели, сняли охрану станерами.— тихо, эффективно. Потом выпустили на зачистку трофейного штурмового дрона, предварительно запрограммировав его на самоуничтожение после выполнения задачи. Из здания донёсся короткий, яростный треск импульсных винтовок, крики — и затем глухой, сокрушительный взрыв.

Мы подождали минуту, провели контроль. Две плазменные гранаты, метко брошенные в окна второго этажа, поставили точку. Грешные душонки работорговцев мгновенно переместились в ад. Без свидетелей, без следов. Просто утилизация мусора. Война продолжалась, и мы в ней были уже не жертвами, а инструментом. Холодным, точным и беспощадным. Быть может, в мире стало чуть меньше зла.

Через четыре часа с орбиты спустилась следственная бригада СБ. Слух разнёсся мгновенно: диверсионный отряд уничтожил командира и начальника СБ группы К3244. Не просто убили — взорвали на базе вместе с охраной и штабом.

Несколько взводов, включая наш, загнали в огромное подвальное помещение — холодное, промозглое, пахнущее сыростью и страхом. Двери захлопнулись. Воздух стал спёртым, насыщенным потом и немой паникой. Вызывали поодиночке. Никто не возвращался. Неизвестность давила сильнее гравитационных перегрузок.

Отец молча достал из тайника сплюснутую флягу с техническим спиртом, пахнущим сивушными маслами. Мы выпили молча, не чокаясь, залпом — не для веселья, для забвения. В пьяном тумане хмельных паров я начал вспоминать, где спрятал ледоруб Рамон Меркадер, медленно со скоростью черепахи вытесняя реальность. Пока инструмент убийства не заполнил все мои мысли.

Меня вызвали седьмым. Следователь, сухой, с глазами как у рептилии, молча считал данные с моего нейрокоммуникатора. Не найдя ничего подозрительного, поставил передо мной пластиковый стакан с мутной водой и протянул маленькую, невзрачную таблетку.

— Прими. Для ясности мысли.

Я послушно проглотил. Через мгновение он откинулся на стул и рывкнул, сорвавшись на крик:

— Ты у меня сейчас всё расскажешь!

— Я ледоруб не брал... — выдавил я хрипло, с испугом глядя куда-то мимо него.

Химия встретилась с алкоголем в моей крови, и начался ад. Меня вывернуло наизнанку. Судорожные спазмы, рвота, слёзы, застилавшие взгляд. Разум помутнел, превратившись в вязкую, болезненную кашу.

— Его убил Раимонд... И ледоруб он забрал... — пролепетал я после очередного приступа, едва переводя дух.

Следователь выпучил глаза, затем с размаху ударил меня кулаком по голове. Боль пронзила алкогольно-химический туман на секунду.

— Что ты знаешь о диверсионной группе?!

Мой разум окончательно улетел в исторические дебри. Мне виделись диверсанты, крадущиеся в мексиканской ночи к вилле Льва Троцкого. «Редиска», — прошептал я, вспомнив ленинское прозвище.

— Это Сталин приказ отдал... - каялся, размазывая слёзы и слюну по лицу. А я тогда не родился... Ледоруб... под кроватью, кажется...

Меня вырвало, на сверкающие ботинки следователя. Он брезгливо отдернулся, затем в ярости с размаху ударил ногой в грудь. Я отлетел в угол, хватая ртом липкий, спёртый воздух.

— Дикие, — с холодным раздражением сказал он своему помощнику, наблюдая, как я корчусь на полу. — Что с них взять? В логах — одни пьяные бредни. И этот уже третий, который про какой-то ледоруб орёт. Выкиньте его. К следующему.

Меня выволокли в соседний подвал и бросили у стены рядом с такими же бедолагами. Через полчаса привели отца. Его допрос я слышал сквозь толстую дверь: он с искренним, пьяным жаром доказывал, что часовню он не ломал, и красочно расписывал тяготы содержания восьми жён. Увидев меня, он широко, почти счастливо улыбнулся и гаркнул на весь подвал:

— Ты точно ледоруб не крал?

В его глазах читалось «Пронесло» — наш план сработал. Химия и алкоголь сделали показания бредовыми, не стоящими внимания. Казалось, мы отделались лишь лёгким испугом и побоями.

Но система мыслила иными категориями.

«Виновных» нашли быстро. Ими оказались двое из другого взвода, у которых при обыске нашли краденые компоненты с того самого первого склада. Их расстреляли на глазах у всех утром, без суда, как пример. А на нас, на наш взвод и ещё пару таких же «неудобных», повесили другое. Более тяжкое. Формальное обвинение — «обвинение в соучастии соучастии в работоторговле». На основании «оперативных данных» или «highly likely» - с высокой степенью вероятности. Теперь мы были не просто расходным материалом. Мы были клеймёнными преступниками, «отбросами», которых можно было отправить на самые безнадёжные задания без угрызений совести и даже без страховки. Где шанс выжить приближается к нулю. Система не прощает тех, кто видел или слышал слишком много.

Глава 2. Штрафники.

Всего лишь час дают на артобстрел -
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до «вышки».
За этот час не пишем ни строки -
Молись богам войны – артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники,
Нам не писать: «...считайте коммунистом».
Перед атакой водку – вот мура!
Своё отпили мы ещё в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура» -
Со смертью мы играемся в молчанку.
В.В. Высоцкий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.